

Научная статья

УДК 323.3

doi: 10.17223/1998863X/81/13

ЛОЯЛЬНОСТЬ МЕСТНЫХ ЭЛИТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ: ОБЩИЕ УСЛОВИЯ И ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА

Николай Сергеевич Розов¹, Сергей Иванович Филиппов²

¹ *Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия*

² *Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия*

¹ *nrozov@gmail.com*

² *filippow07@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию факторов и институциональных механизмов складывания разных уровней лояльности национальных / местных элит по отношению к центральной власти в России на основании сопоставления случаев высокой и низкой лояльности из истории Российской империи и СССР.

Ключевые слова: лояльность, местные элиты, Российская империя, СССР

Для цитирования: Розов Н.С., Филиппов С.И. Лояльность местных элит центральной власти в России: общие условия и особенности социально-исторического контекста // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 81. С. 140–151. doi: 10.17223/1998863X/81/13

Original article

LOYALTY OF LOCAL ELITES TO THE CENTRAL GOVERNMENT IN RUSSIA: GENERAL CONDITIONS AND PECULIARITIES OF THE SOCIO-HISTORICAL CONTEXT

Ni kol ai S. Rozov¹ Sergei I. Filippov²

¹ *Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation*

² *Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russian Federation*

¹ *nrozov@gmail.com*

² *filippow07@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the factors and institutional mechanisms that influence the level of loyalty of various national and local elites towards the central government in Russia. From the time of the Tsardom of Moscow, the Russian state has existed as a multi-religious and multi-ethnic society, where the internal policies were largely determined by interactions between the central government and regional/national elites. Loyalty plays a crucial role in maintaining a harmonious relationship between political actors in societies or states with indirect governance. The initial assumption is that the more an actor (e.g., the local elite) perceives a certain authority (e.g., the imperial center) as providing them security, social status, income and influence (authority, political participation), the higher the actor's loyalty to this authority will be. The cases of high loyalty (the Ostsee knighthood, the Siberian and later Don Cossacks, the “quasi-state power” of the Stroganovs, the late Georgian aristocracy, the Belarusian and Kazakh late-Soviet elites) as well as the cases of low loyalty (the Yaitsa and early Don Cossacks, the early Georgian aristocracy, the Lithuanian and Latvian late-Soviet elites, the communities of the academic towns) are examined on the material of the Russian Empire and Soviet history. The comparative analysis of the national and local elites

in their relations with the central government has shown that their basic social needs are satisfied by three main types of structures: (a) bureaucratic structures of the military and civil service providing formal status with appropriate material benefits and symbolic prestige; (b) patron–client networks; (c) self-governing egalitarian communities. Successful careers in state service were combined with a relatively high level of loyalty among local elites to the central government. Their preference for patron–client networks or self-governing communities as institutions satisfying basic social needs leads to a relatively lower level of loyalty to the center. A career in the state service is available for persons with a formally confirmed prestigious status and/or such qualities as diligence, discipline and accuracy, control of affects and suppression of aggression. Patron-client networks are established around individuals or groups with significant resources, such as economic, power, or symbolic capital, which give them a certain degree of independence from the local and, in some cases, even central government. The members of patron–client networks are expected to show unconditional loyalty, both through their actions and by participating in rituals that may conflict with official norms. Self-governing egalitarian communities attract deprived members of the middle and lower elites, as well as those seeking to join the elite. Membership in self-governing egalitarian communities requires such qualities as self-esteem, unwillingness to obey, demonstrative aggressiveness as a means of confirming one's own high status, contempt for symbolic attributes of social prestige.

Keywords: loyalty, local elites, Russian Empire, USSR

For citation: Rozov, N.S. & Filippov, S.I. (2024) Loyalty of local elites to the central government in Russia: general conditions and peculiarities of the socio-historical context. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 81. pp. 140–151. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/81/13

Положение элит в разные периоды российской истории

Российское государство со времен Московского царства создавалось и существовало в форме поликонфессионального и полиэтнического общества, внутренняя политика которого во многом определялась разнообразным и исторически менявшимся характером взаимодействия центральной власти с местными¹ элитами.

В царской России местные элиты инкорпорировались в состав господствующего класса империи, как например, остзейское рыцарство, грузинское дворянство, казачья верхушка, но могли подвергнуться депривации, как часть польской шляхты. В советский период формировались новые национально-территориальные элиты и институты, поддерживающие их воспроизводство: национальные республики и автономии разного уровня с собственными системами образования и науки, средствами массовой информации и национальными литературами.

Характер взаимодействия центральной власти с местными элитами представим в виде переменной с верхним полюсом инкорпорации, сотрудничества, лояльности и нижним полюсом депривации, отчуждения, враждебности. Лояльность выступает в качестве желательного для правящего центра базового отношения между политическими акторами разного уровня в обществах с такого рода «непрямым» управлением. Несмотря на многочисленные исследования отечественных и зарубежных авторов в области политической лояльности (О.В. Гаман-Голутвина, Г.М. Дерлугьян, А.И. Миллер,

¹ Под местными элитами здесь понимаются представители элит, которые идентифицируются как по этнонациональному принципу (польская шляхта, немецко-балтийское рыцарство, грузинское дворянство, позднесоветская литовская партийно-советская элита и др.), так и по территориальному (промышленники Строгановы и их клиента, казаки войска и др.).

С.В. Нефедов, Л.Ф. Писарькова, В.А. Тишков, С.В. Чешко, М. Гарселон, А. Каппелер, Т. Маргина, Д. Пономарева, Г. Симон и др.), проблема условий, определяющих лояльность или нелояльность индивидов и групп по отношению к государственным и властным институтам, а также к этническим, конфессиональным и другим сообществам, остается нерешенной.

Исходное предположение состоит в том, что лояльность подчиненных (индивидов, организаций, сообществ или социальных слоев со сходными установками) к начальству (вождю, монарху, правящей группе, центральному правительству) тем выше, чем более они видят в нем инстанцию или обеспечивающее сообщество, которое удовлетворяет их базовые социальные стремления или заботы – надежно предоставляет им социальный статус с соответствующими гарантиями безопасности, символическим престижем и достойным благосостоянием, доступом к экономическим ресурсам [1. Р. 22–28]. Заботы выполняются благодаря и при активности обеспечивающих структур, в том числе социальных практик, установок сознания и поведения, ассоциирующихся с теми или иными социальными группами (габитусов), и институтов с правилами взаимодействия [2. С. 33–34].

Сравнение контрастных случаев

В целях уточнения причин динамики лояльности рассмотрим случаи относительно высокого и низкого уровня лояльности местных элит. Объединенные в пары случаи сходны друг с другом по существенным признакам: исторический период и / или регион проживания, доля элит в общем населении и др. При этом они резко отличаются друг от друга по уровню лояльности в отношении центральной власти (табл. 1).

Таблица 1. Пары контрастных случаев

Случаи с относительно низким уровнем лояльности	Случаи с относительно высоким уровнем лояльности
Польская шляхта (XIX – начало XX в.)	Остзейское рыцарство (XVIII – начало XX в.)
Донское казачество (XVII в.)	Донское казачество (XIX – начало XX в.). Сибирское казачество (XVII – начало XX в.)
Яицкое казачество (XVI – первая половина XVIII в.)	«Держава» Строгановых (XVI–XVII вв.)
Грузинская элита (первая треть XIX в. (до наместничества М.С. Воронцова на Кавказе)	Грузинская элита (середина XIX – начало XX в.)
Литовская позднесоветская элита (конец 1980-х – начало 1990-х гг.)	Белорусская позднесоветская элита (конец 1980-х – начало 1990-х гг.)
Латвийская позднесоветская элита (конец 1980-х – начало 1990-х гг.)	Казахская позднесоветская элита (конец 1980-х – начало 1990-х гг.)

Результаты анализа представлены в ряде публикаций [3. С. 276–308; 4–9]. Рассмотрим различные институциональные контексты, а также проиллюстрируем их описанием ярких контрастных случаев (не)лояльности.

Государственная служба, престижное потребление и грузинская знать

Структурами, обеспечивающими социальный статус, символический престиж элит и приемлемый для них уровень доходов, являются государственная служба, а также казенные и частные кредитно-финансовые институты, сети поставок предметов престижного потребления для представителей элиты.

Ярким примером лояльных национальных элит, благополучие и достойный уровень потребления которых обеспечивались прежде всего государственной службой, является грузинское дворянство с середины XIX по начало XX в. Ранее весьма своеобразные представители «туземной» аристократии были инкорпорированы в институты государственной службы. Кроме того, в период наместничества М.С. Воронцова на Кавказе (1844–1854 гг.) они были успешно вовлечены в образ жизни имперского дворянства с практиками престижного потребления в этой среде. Были созданы привлекательные для грузинской знати позиции в системе местного государственного управления и армии. Эти позиции, по крайней мере частично (наряду с кредитом), обеспечивали им приемлемый уровень благосостояния, что укрепило их зависимость от империи.

Потребность грузинской знати в денежных средствах для оплаты престижного образа жизни стала стимулом для усиления эксплуатации крестьянства, а это снизило опасность солидарных действий элит и низовых слоев против центральной власти [10. С. 90–105].

Остзейские немцы и международный рынок бюрократического труда

В условиях слабости государственных институтов как структур, обеспечивающих благосостояние и приемлемый уровень потребления, доступной альтернативой для элит является поступление на гражданскую или военную государственную службу за пределами своего отечества. Так поступали многие остзейские немцы, переходившие на русскую, шведскую, польскую и даже турецкую службу и нередко занимавшие весьма высокие должности¹ [13. С. 29–33].

Условиями успешности такой стратегии были документально подтвержденный и не вызывающий сомнений формальный статус, необходимый для занятия престижных позиций на гражданской службе, а также особый остзейский габитус: мировоззренчески-ценностные нормы, ментальные установки, поведенческие практики: дисциплинированность, аккуратность, исполнительность и, конечно, лояльность. Все эти качества очень высоко ценились на тогдашнем международном бюрократическом рынке.

Внешняя коммерция, польские магнатства и шляхетский габитус

Производство продукции, пользующейся спросом на внешних рынках, а также включенность элит в посреднические сети, позволяющие организовать поставку и продажу данной продукции за границу, обуславливают относительно низкую лояльность по отношению к центральной власти, снижая зависимость благосостояния элит от государства.

Примером здесь выступают польско-литовские магнаты. Их благосостояние обеспечивало включенность в сети поставок зерна, производимого на периферии мировой системы и продаваемого в ее ядро. С начала XVI в. – по-

¹ Во время правления Николая I выходцы из прибалтийских немцев составляли 19 из 134 членов Государственного совета, восьмую часть из 350 высших государственных постов, 12 из 113 членов Сената, 9 из 48 губернаторов [11. С. 100] (при этом их доля в населении была 1,4% [12. С. 295]).

сле выхода из демографической и экономической стагнации и благодаря росту городов – в Западной Европе растет спрос на зерно, а колонизация Украины с ее черноземами и победа на Ордене, обеспечившая выход к портам Балтийского моря, позволяет магнатам организовать производство зерна и его экспорт [14. Р. 291; 15. С. 260–278].

Доходы от внешней торговли инвестировались в силовые ресурсы, сопоставимые по своей мощи с государственной армией. Частные армии магнатов состояли из беднейшей элитной страты Польско-Литовской «Республики» – безземельной (чиншевой) шляхты. Кроме того, «чиншевики» обеспечивали престиж и политическое влияние «своему» магнату в сеймах и сеймиках – органах управления Речи Посполитой – в обмен на возможность практически даром арендовать у него землю, что было едва ли не единственным способом обеспечения достойного уровня жизни безземельной шляхты.

Таким образом, в условиях слабости и неразвитости государственных институтов и престиж магнатов, и благополучие безземельной шляхты утверждались своеобразным симбиозом взаимной поддержки в форме патрон-клиентских сетей.

Поскольку шляхта не обладала формальным статусом, ей приходилось его постоянно отстаивать и демонстрировать, в том числе агрессивным поведением, готовностью защитить собственную честь или утвердить ее оружием, демонстрируя бесстрашие, удаль и мужество. Так формировался особый габитус дерзкой и вольнолюбивой польской элиты, к которой никак не прививались чиновничьи добродетели послушания и почитания начальства, тем более этнически чуждого.

Государственный протекционизм и лояльность: от «державы» Строгановых до советской Белоруссии

Если государство обеспечивает конкурентные преимущества в процессе производства и / или реализации продукции, то зависимость успеха коммерции от государства растет, и это повышает лояльность местных элит по отношению к центральной власти.

Примером является династия промышленников Строгановых, благосостояние которой основывалось на добыче соли и соляной торговле. Строгановы были ориентированы на внутренний рынок, поскольку цены на соль в России были выше, чем в Европе [16. С. 300; 17. С. 146]. В силу того, что соль была жизненно необходимым продуктом, было выгодно и естественно включить в ее цену налог, что делали многие государства, в том числе и Россия. Приходилось пресекать производство и продажу соли помимо подконтрольных государству каналов. Политика подавления конкуренции была весьма выгодна Строгановым как монополистам на этом рынке.

Ориентированными на внутренний рынок и зависимыми от государственной поддержки были также позднесоветские белорусские партийно-хозяйственные элиты и население республики. На территории Белоруссии были размещены крупные промышленные предприятия, как правило, значительно удаленные как от конечных потребителей, так и от источников сырья и энергоносителей. Они были интегрированы в экономическую систему СССР в целом и шире – в зону Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) [18. С. 148]. Сети получения ресурсов и сбыта продукции через поддержку

союзного центра стали структурами, обеспечивающими благосостояние и высокую лояльность местных элит.

Силовое предпринимательство вольных казаков¹

Если институты и сети, связанные с государственной службой или протекцией, не обеспечивают благосостояние и приемлемый уровень потребления, то элиты склонны ориентироваться на другие доступные им обеспечивающие структуры. Их предпочтение может быть вынужденным, обусловленным депривацией низших и средних элитных страт. Такие слои, особенно обладающие средствами и навыками применения насилия, например, после завершения войн и увольнения военнослужащих / сокращения численности военно-служилого сословия, страдали от падения своих доходов и соответствующей утраты престижного социального статуса. Примером депривированных элит такого рода является волжское казачество, которое частично сложилось в XVI в. из представителей военно-служилого класса Казанского и Астраханского ханств [20. С. 223–224].

Особым случаем являются неформальные военизированные сообщества, члены которых извлекают доход путем угрозы применения насилия, навязывания своей защиты через принуждение. Такими силовыми практиками, позже получившими название «рэкет», занимались донские и запорожские казаки в XVII в.² Если структуры такого рода по каким-либо причинам уже не обеспечивали желаемый уровень благосостояния, то их участники вступали в своеобразный «торг» с государством за жалованье, в том числе в форме казацких бунтов, восстаний.

«Нестязательство» – характерная черта казацкого габитуса

Следует отметить, что участие в эгалитарных военизированных сообществах как обеспечивающих структурах сопряжено с существенными издержками для их верхушки, поскольку распространенные там нормы и практики препятствуют накоплению и передаче по наследству богатства. Известно пренебрежительное отношение казаков к богатству – они не чурались дорогих нарядов, но очень легко расставались с добытыми материальными ценностями. Так, например, вели себя «разинцы» в 1669 г., продавая астраханцам дешево дорогие ткани и просто раздавая народу деньги [22. С. 110].

¹ Под *вольными* казаками понимаются те казацкие сообщества, которые пользовались существенной автономией, граничащей с независимостью, в частности, правом экстерриториальности (территория проживания казаков фактически не являлась территорией под государственной юрисдикцией), правом собственного внутреннего управления и суда, правом внешних сношений и самостоятельного ведения боевых действий, правом убежища (невыдачи беглых) [19. С. 356]. *Вольных* казаков не следует путать с представителями военизированного земледельческого сословия – членов различных казацких войск, лишенных своей автономии и встроженных в бюрократическую систему Российской империи во второй половине XVIII – начале XIX в.

² Именно во второй половине XVII в. в результате укрепления государственного контроля над приграничными территориями и торговыми путями постепенно оскудевают традиционные источники благосостояния вольных казаков – прекращаются «походы за зипунами», взятие полона в расчете на последующий выкуп, работорговля. В этих условиях потребность в государевом жалованьи становится особенно острой. Казацкие восстания были не только способом «выбить» жалованье, но и формой демонстрации собственной удалости и доблести – качеств, высоко ценимых на международных «силовых» рынках [21. С. 14].

Процедура заключения брака и его расторжения не была формализована и носила весьма упрощенный характер, что ставило под вопрос легитимность подобного рода браков и, как следствие, правовой статус потомков, возможность наследования символического и материального капитала [23. С. 217–234].

Полновластие коллективных органов управления, например казачьего круга, серьезно ограничивает влияние атаманов, старшин и сохранение их властных позиций. Казачья верхушка обычно стремится к преодолению издержек, связанных с участием в подобного рода эгалитарных структурах, – сохранению и приумножению материального благосостояния, административно-политического влияния и конвертации всего этого в более-менее признаваемые за пределами неформальных военизированных сообществ символические статусы. Поэтому атаманы вступают в союз с правительственной администрацией, оказывая ей содействие в ликвидации самоуправления [24. С. 23].

Лояльность государству как защитнику от местных угроз

Если безопасность элит эффективно обеспечивается государством, то степень их лояльности относительно высока.

Потенциальная угроза безопасности может исходить от подвластного населения, если между населением и элитами существует относительно высокая культурная, социальная, лингвистическая дистанция (например, немецкоязычное остзейское дворянство и подвластное, неполноправное коренное население Остзейского края, состоящее из латышей и эстонцев (XVIII–XIX вв.), партийно-советская русскоязычная элита и местное чисто казахское население), в особенности, если те или иные этносоциальные группы выполняют репрессивные функции и / или осуществляют принуждение, что обуславливает взаимное отчуждение.

Примерами этносоциальных групп такого рода являются казаки XIX – начала XX в., активно используемые царским правительством для подавления внутренних протестов, а также остзейские немцы (недворяне), служащие в имениях русских помещиков. Они рационализировали организацию помещичьих хозяйств в том числе за счет усиления эксплуатации крестьян, вызывая горячую ненависть в свой адрес именно как к «немцам». Расправу над одним таким управляющим – Христианом Христианычем – описывает Н. Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо».

Метаморфоза в сфере безопасности и конец вольной шляхты

Если безопасность элит обеспечивается ими самими, то лояльность их государственной власти относительно низка. Обеспечивающими структурами в данном случае являются патрон-клиентские сети, в состав которых входят лица, обладающие средствами и навыками применения насилия, подчиняющиеся патрону, например частные армии польских магнатов. Составлявшие эти армии безземельные шляхтичи были исключены из состава дворянства в 1830–40-е гг.¹, они платили чисто символическую плату за аренду земли, с которой кормились.

¹ Согласно российскому законодательству, к дворянскому сословию могли быть причислены только землевладельцы, безземельная (чиншевая) шляхта, которая составляла большинство польского благородного сословия, из состава имперского дворянства исключалась.

После инкорпорации части польских земель в Российскую империю и распространения на территорию Царства Польского имперских законов и системы управления, а также в связи с ростом стоимости аренды земли в 1860–70-е гг. воинственная шляхта оказалась просто не нужна польским помещикам. Безземельные шляхтичи превратились в реликтовую социальную группу, функции которой (обеспечение безопасности и престижа патронов) в новых социально-политических условиях стала ненужной. «Шляхетская республика» была ликвидирована, автономия Царства Польского была существенно ограничена при вхождении в состав Российской империи. Вооруженные силы шляхты показали низкую эффективность по сравнению с регулярной царской армией, что проявилось в поражении польских восстаний 1830 и 1864 гг. Эти силы перестали быть востребованными, и чиншевая шляхта с помощью русской армии и казаков была изгнана с арендуемой земли [25. С. 933–934].

Этническая сплоченность, приверженность сильному лидеру – неоднозначность эффектов для лояльности

Участие в принятии решений для элит обеспечивается карьерой в формальных институтах государственной службы (в зависимости от позиции в иерархии), что обуславливает высокий уровень лояльности по отношению к охватываемому институту. Условия успешной служебной карьеры уже упоминались выше – это происхождение, исполнительность, дисциплинированность, а также «связи» – степень вовлеченности в неформальные сети взаимодействий с сильным и авторитетным лидером. При этом возможность принимать решения зависит от степени близости к лидеру.

Примером такого рода сообществ являются остзейские дворяне, продвижение по служебной лестнице которых было обусловлено также взаимной поддержкой по национально-сословному принципу – активной протекцией по отношению к землякам отличался, например, знаменитый мореплаватель И.Ф. Крузенштерн [26. С. 266–280].

Высокая степень влияния глав таких сообществ, вокруг которых складывается своя клиентела, в том числе из числа государственных служащих, может обуславливать и низкий уровень лояльности по отношению к государству, примером чего выступает позднесоветская литовская партийно-государственная во главе с несменяемым первым секретарем ЦК КПЛ А. Снечкусом. Корпоративная солидарность и лояльность по отношению к лидеру имеет в такого рода структурах большее значение, чем приверженность формальным нормам. Она обеспечивается участием в противоречащих официальным идеологиям и системам ценностей ритуалах.

А. Бразаускас, первый секретарь ЦК КПЛ в 1988–1989 гг., а также первый президент независимой Литвы подчеркивает, что в советское время государственные служащие, как и он сам, праздновали Рождество в домашней обстановке, не опасаясь при этом доноса со стороны своих литовских коллег (цит. по: [27. Р. 96]).

Неформальные сети доверия как альтернатива лояльности официозу

Примером привилегированной социальной группы, для представителей которой участие в неформальных сетях доверия единомышленников было

важнее формальной карьеры, является позднесоветская научно-академическая интеллигенция из научных городков. В этой среде распространялись критические настроения по отношению к советскому строю и официальной идеологии, а также практики, явно противоречившие официальным ритуалам: чтение и распространение «самиздата», организация концертов исполнителей со «спорным репертуаром», а также художественные выставки, не соответствовавшие канонам социалистического реализма.

Партийная карьера для ученых таких центров выглядела малоперспективной и ведущей в тупик. Зарплата секретаря горкома была значительно ниже, чем научного сотрудника статусного учреждения. В местном обкоме партфункционеров из академгородков и «почтовых ящиков» воспринимали как чужаков, в Москве же все места были уже заняты [28].

Коллегиально-дружеские сети доверия не обеспечивали четко определенного, устойчивого статуса и влияния их участников. Авторитет в сообществах такого рода требовал постоянного подтверждения и предполагал непрерывную проверку. Перечисленные выше практики были ритуалами внутригрупповой солидарности, воспроизводившими доверие между участниками неформальных групп и сетей взаимодействия.

Три типа обеспечения элитарных забот

Сравнительный анализ национальных и местных элит показал, что их базовые социальные заботы обеспечиваются структурами трех основных типов:

а) иерархические военно- и гражданско-бюрократические институты, присваивающие формальные статусы с соответствующим материальным вознаграждением и символическим престижем;

б) патрон-клиентские сети;

в) самоуправляющиеся эгалитарные сообщества.

Карьера в государственных структурах доступна, прежде всего, для претендентов, уже обладающих подтвержденным формально престижным статусом и / или демонстрирующих качества, востребованные в иерархических военно- и гражданско-бюрократических институтах, таких как исполнительность, дисциплинированность и аккуратность, контроль аффектов и подавление агрессии.

Условием образования сетей патрон-клиентского типа является наличие акторов, обладающих значительными ресурсами (экономическими, властно-организационными, символическими), которые обеспечивают им определенную независимость от местной, а подчас и от центральной власти. Служба патрону может быть привлекательной, особенно для представителей средних и низших элитных страт. От них ожидается демонстрация безусловной личной преданности, в том числе действиями и участием в ритуалах, противоречащих официальным нормам.

Самоуправляющиеся эгалитарные сообщества как обеспечивающие структуры являются предпочтительными для депривированных представителей средних и низших элитных страт либо для претендентов в элиту. Успешная карьера последних в госструктурах невозможна в силу отсутствия формального статуса, а также из-за специфических черт габитуса, характерных для неформальных эгалитарных сообществ, но неприемлемых для иерархических военно- и гражданско-бюрократических институтов. Сюда относится

обостренное чувство собственного достоинства, в том числе нежелание подчиняться, демонстративная агрессивность как средство подтверждения собственного статуса, презрение к символическим атрибутам социального престижа.

Список источников

1. *Mann M.* The Sources of Social Power. Vol. 1: A History of Power from the Beginning to AD 1760. Cambridge University Press, 1986. 578 p.
2. *Розов Н.С.* Происхождение языка и сознания. Как социальные порядки и коммуникативные заботы порождали когнитивные и речевые способности. Новосибирск : Манускрипт, 2022. 355 с.
3. *Розов Н.С., Пустовойт Ю.А., Филиппов С.И., Цыганков В.В.* Революционные волны в ритмах глобальной модернизации / под науч. ред. Н.С. Розова. М. : Красанд, 2019. 408 с.
4. *Филиппов С.И.* Условия лояльности «национальных» элит в имперский период российской истории // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 года) : материалы V Всерос. социол. конгресса / отв. ред. В.А. Мансуров [Электронный ресурс]. М. : Рос. о-во социологов, 2016. (DVD ROM). С. 5406–5414.
5. *Филиппов С.И.* Условия солидарности элит и внеэлитных групп населения // Идеи и идеалы. 2018. Т. 1, № 1. С. 57–66.
6. *Филиппов С.И.* Условия ответственности военно-гражданской администрации России (XVII – начало XX в.) // Вестник Омского государственного университета. 2019. Т. 24, № 1. С. 111–117.
7. *Филиппов С.И.* Условия лояльности национальных элит к центральной власти в советский период российской истории // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 4, ч. 1. С. 230–248.
8. *Филиппов С.И.* Феномен «бегства» советских элит в ряды оппозиции в конце 1980-х – начале 1990-х гг: макросоциологический анализ // Идеи и идеалы. 2021. Т. 1, № 2, ч. 1. С. 92–109.
9. *Филиппов С.И.* Критические настроения позднесоветской научно-академической интеллигенции в историческом и социокультурном контексте // Идеи и идеалы. 2022. Т. 14, № 2, ч. 1. С. 68–85.
10. *Дерлугьян Г.М.* Как устроен этот мир. наброски на макросоциологические темы. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2013. 384 с.
11. *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя. М. : Традиция, 2000. 344 с.
12. *Беккер С.* Миф о русском дворянстве. М. : Новое лит. обозрение. 2004. 352 с.
13. *Катин-Ярцев М.Ю.* Балтийско-немецкое дворянство на российской службе. XVII–конец XVIII в. // Вестник МГУ. История. 2000. № 2. С. 25–50.
14. *Frost R.* The Oxford History of Poland-Lithuania. Vol. I: The Making of the Polish-Lithuanian Union, 1385–1569. Oxford University Press, 2015. 564 p.
15. *Андерсон П.* Родословная абсолютистского государства. М. : Изд. дом «Территория будущего», 2010. 512 с.
16. *Введенский А.А.* Дом Строгановых. М. : Соцэкгиз, 1962. 306 с.
17. *Флоря Б.Н.* Торговля России со странами Западной Европы в Архангельске (конец XVI – начало XVII в. // Средние века. 1973. № 36. С. 129–151.
18. *СССР после распада* / под общ. ред. О.Л. Маргания, Д.Я. Травина. СПб. : Экономическая школа, 2007. 544 с.
19. *Куц О.Ю.* Донское казачество в период взятия Азова до выступления Разина (1637–1667). СПб. : Дмитрий Буланин, 2009. 392 с.
20. *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. М. : НПО «Инсар», 1991. 318 с.
21. *Филиппов С.И.* Условия лояльности военно-служилой и торгово-промышленной администрации по отношению к центральной власти // Идеи и идеалы. 2023. Т. 15, № 2, ч. 2. С. 391–408.
22. *Мининков Н.А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1996. 512 с.
23. *История казачества азиатской России: в 3 т. Т. 1: XVI – первая половина XIX века* / ред. Н.А. Миненко и др. Екатеринбург : НИСО Уро РАН, 1995. 316 с.
24. *Мальцев Д.* Как готовили «поход на индус» // Родина. 2011. № 7. С. 22–24.

25. Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи. Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). М. : Новое лит. обозрение, 2011. 1008 с.
26. Копелев Д.Н. На службе империи. Немцы и Российский флот в первой половине XIX века. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2010. 338 с.
27. Lieven A. The Baltic Revolution. Estonia, Latvia, Lithuania and the Path to Independence. Yale University Press, 1993. 454 p.
28. Хандошко Р.И. Территория политической аномалии: партийная жизнь в советском атомном городе 1950–1960-х годов // Шаги–Steps. 2016. Т. 1, № 2. С. 167–169.

References

1. Mann, M. (1986) *The Sources of Social Power*. Vol. 1. Cambridge University Press.
2. Rozov, N.S. (2022) *Proiskhozhdenie yazyka i soznaniya. Kak sotsial'nye poryadki i kommunikativnye zaboty porozhdali kognitivnye i rechevye sposobnosti* [The Origin of Language and Consciousness. How Social Orders and Communicative Concerns Generated Cognitive and Speech Abilities]. Novosibirsk: Manuscript.
3. Rozov, N.S., Pustovoyt, Yu.A., Filippov, S.I. & Tsygankov, V.V. (2019) *Revolutsionnye volny v ritmakh global'noy modernizatsii* [Revolutionary Waves in the Rhythms of Global Modernization]. Moscow: Krasand.
4. Filippov, S.I. (2016) Usloviya loyalti "natsional'nykh" elit v imperskiy period Rossiyskoy istorii [Conditions of loyalty of "national" elites in the imperial period of Russian history]. In: Mansurov, V.A. (ed.) *Sotsiologiya i obshchestvo: sotsial'noe neravenstvo i sotsial'naya spravedlivost'* [Sociology and Society: Social Inequality and Social Justice]. Moscow: Russian Society of Sociologists. pp. 5406–5414.
5. Filippov, S.I. (2018) Usloviya solidarnosti elit i vneelitnykh grupp naseleniya [Conditions of solidarity of elites and non-elite groups of the population]. *Idey i idealy*. 1(1). pp. 57–66.
6. Filippov, S.I. (2019) Usloviya otvetstvennosti voenno-grazhdanskoy administratsii Rossii (XVII – nachalo XX v.) [Conditions of responsibility of the military-civil administration of Russia (the 17th – early 20th centuries)]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta*. 24(1). pp. 111–117.
7. Filippov, S.I. (2020) Usloviya loyalti natsional'nykh elit k tsentral'noy vlasti v sovetskiy period rossiyskoy istorii [Conditions of Loyalty of National Elites to the Central Authority in the Soviet Period of Russian History]. *Idey i idealy*. 12(4/1). pp. 230–248.
8. Filippov, S.I. (2021) Fenomen "begstva" sovetsskikh elit v ryady oppozitsii v kontse 1980-kh. – nachale 1990-kh gg: makrosotsiologicheskii analiz [The Phenomenon of the Soviet Elites' "Flight" to the Opposition in the Late 1980s – Early 1990s: A Macrosociological Analysis]. *Idey i idealy*. 1(2/1). pp. 92–109.
9. Filippov, S.I. (2022) Kriticheskie nastroyeniya pozdnesovetskoy nauchno-akademicheskoy intelligentsii v istoricheskom i sotsiokul'turnom kontekste [Critical Sentiments of the Late Soviet Scientific and Academic Intelligentsia in the Historical and Sociocultural Context]. *Idey i idealy*. 14(2/1). pp. 68–85.
10. Derlugyan, G.M. (2013) *Kak ustroen etot mir. Nabroski na makrosotsiologicheskie temy* [How this world works. Sketches on macrosociological themes]. Moscow: The Gaidar Institute.
11. Kappeler, A. (2000) *Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya* [Russia – a multinational empire]. Moscow: Traditsiya.
12. Bekker, S. (2004) *Mif o russkom dvoryanstve* [The myth of the Russian nobility]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
13. Katin-Yartsev, M.Yu. (2000) Baltiysko-nemetskoe dvoryanstvo na rossiyskoy sluzhbe. XVII–konets XVIII v. [Baltic-German nobility in Russian service. The 17th–late 18th centuries]. *Vestnik MGU: Istoriya*. 2. pp. 25–50.
14. Frost, R. (2015) *The Oxford History of Poland-Lithuania*. Vol. I. Oxford University Press.
15. Anderson, P. (2010) *Rodoslovnaya absolyutistskogo gosudarstva* [Genealogy of the Absolutist State]. Moscow: Territoriya budushchego.
16. Vvedenskiy, A.A. (1962) *Dom Stroganovykh* [The Stroganov House]. Moscow: Sotsekgiz.
17. Florya, B.N. (1973) Torgovlya Rossii so stranami Zapadnoy Evropy v Arkhangel'ske (konets XVI – nachalo XVII v.) [Trade of Russia and Western Europe in Arkhangel'sk (the late 16th – early 17th centuries)]. *Srednie veka*. 36. pp. 129–151.
18. Marganiya, O.L. & Travin, D.Ya. (eds) (2007) *SSSR posle raspada* [The USSR after its collapse]. St. Petersburg: Ekonomicheskaya shkola.

19. Kuts, O.Yu. (2009) *Donskoe kazachestvo v period vzyatiya Azova do vystupleniya Razina (1637–1667)* [The Don Cossacks during the capture of Azov before Razin's uprising (1637–1667)]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
20. Khudyakov, M.G. (1991) *Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva* [Essays on the history of the Kazan Khanate]. Moscow: NPO "Insar".
21. Filippov, S.I. (2023) *Usloviya loyal'nosti voenno-sluzhiloy i torгово-promyshlennoy administratsii po otnosheniyu k tsentral'noy vlasti* [Conditions of loyalty of the military and trade and industrial administration in relation to the central authorities]. *Idei i idealy*. 15(2/2). pp. 391–408.
22. Mininkov, N.A. (1996) *Donskoe kazachestvo v epokhu pozdnego srednevekov'ya (do 1671 g.)* [The Don Cossacks in the late Middle Ages (before 1671)]. Rostov on Don: Rostov State University.
23. Minenko, N.A. et al. (ed.) (1995) *Istoriya kazachestva aziatskoy Rossii: v 3 t.* [History of the Cossacks of Asian Russia: in 3 vols]. Vol. 1. Ekaterinburg: UrB RAS.
24. Maltsev, D. (2011) *Kak gotovili "pokhod na indus"* [How the "campaign against the Indians" was prepared]. *Rodina*. 7. pp. 22–24.
25. Beauvois, D. (2011) *Gordiev uzel Rossiyskoy imperii. Vlast', shlyakhta i narod na Pravoberezhnoy Ukraine (1793–1914)* [Gordian knot of the Russian empire. Power, gentry, and people in the Right-bank Ukraine (1793–1914)]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
26. Kopelev, D.N. (2010) *Na sluzhbe imperii. Nemtsy i Rossiyskiy flot v pervoy polovine XIX veka* [In the service of the empire. Germans and the Russian fleet in the first half of the 19th century]. St. Petersburg: St. Petersburg European University.
27. Lieven, A. (1993) *The Baltic Revolution. Estonia, Latvia, Lithuania and the Path to Independence*. Yale University Press.
28. Khandozhko, R.I. (2016) *Territoriya politicheskoy anomalii: partiynaya zhizn' v sovetskom atomnom gorode 1950–1960-kh godov* [Territory of political anomaly: Party life in the Soviet atomic city of the 1950–1960s]. *Shagi–Steps*. 1(2). pp. 167–169.

Сведения об авторах:

Розов Н.С. – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (ИФПР СО РАН) (Новосибирск, Россия); профессор кафедры международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: nrozov@gmail.com

Филиппов С.И. – кандидат философских наук, доцент кафедры романо-германской филологии, заместитель директора Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: filippow07@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Rozov N.S. – Dr. Sci. (Philosophy), professor, chief researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation); professor, Department of International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: nrozov@gmail.com

Filippov S.I. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Department of Romance and Germanic Philology; deputy director, Institute of Humanities, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: filippow07@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.04.2024;
одобрена после рецензирования 20.09.2024; принята к публикации 21.10.2024
The article was submitted 15.04.2024;
approved after reviewing 20.09.2024; accepted for publication 21.10.2024*